

ЧЕЛОВЕК С ТЫСЯЧЬЮ ЛИЦ

Леонард Бобоханов учился на режиссерском факультете в Ташкентском театрально-художественном институте. Дипломный спектакль поставил в кукольном театре. Любил кино. Но, кроме всего, увлекался пантомимой. И вот увлечение стало основным в жизни. В нем выразился весь человек театра, артист. Поэтому я буду рассказывать о молодом артисте (ему 25 лет), говоря о том, что он делает на сцене, потому что если искусство настоящее, то в нем весь человек.

Недавно в зале Дома офицеров был дебют Бобоханова. Зрители устроили ему овацию. Бобоханов — автор двух отделений своего концерта. Он автор сюжетов всех этюдов, исключая един-

ственный классический этюд — «Канат».

Этюды и в пересказе говорят за себя сами. Например, «Упало дерево». Растет дерево. Буя — и дерево ломается. Мимо идут кавалер и дама. Кавалер занят только дамой. Не замечая трагедии дерева, он помогает даме перешагнуть через сломанные ветви.

Проходит хромой. Поднимает дерево, перевязывает его. Дерево наливается соками — выпрямляется. Это почти притча.

Несправедливо назван в печатной программе «наброском» этюд «Спичка». «Спичка» как раз иллюстрирует зрелость чувств и мастерства актера. Легкомысленный человек зажигает спичку. Затем актер уже спичка. Кусок дерева пылает. Спичка отдает свое тепло и себя. Руки актера над головой, трепещут, изломанные рисунком пламени.

Но вот он скучающе смотрит на сгоревшую спичку и выбрасывает ее. Все! Это не набросок. Это законченная идея в законченном исполнении.

«Рикша» — этюд, поднимающий тему маленького человека. Рикша везет господина. Его начинают бить, он покорно и привычно принимает удары. Но вот в нем просыпается протест. Рикша выпрямляется, замахивается и тоже бьет. Он, наконец, решил сбросить тяжесть унижения. Конец номера — рикша садится в коляску и едет. Но рикша в конце совсем другой, осознавший силу своего протеста.

Марсель Марсо (кто же лучше его скажет?!) писал о своем искусстве: «Идеи и движения сердца сочетаются в едином ритме, придавая темпу театрального пред-

ставления напряженность и такую драматическую силу, без которых наше искусство мимодрамы теряет свою духовную основу...» Мим обязательно должен быть поэтом. Наверное, это само собой разумеющееся тождество — мим и поэт. Наверное, пантомиму можно назвать наиболее поэтическим жанром среди других сценических искусств, а по трудности можно сравнить с «венком сонетов» в поэзии.

В пантомиме идеи воплощаются телом, его пластикой, выражением лица. Бобоханов одет в черную полубогающую, полусвободную робу. У него оригинальное лицо, и поэтому «слабый» грим позволяет четко выделять глаза и губы. Его жесты, свободные и в то же время строго очерченные, выделяют и комическое и трагическое. Интересны находки актера в передаче перехода из одного физического состояния в другое, из молодости к старости, от пессимизма к оптимизму. Он не сразу становится другим. Мим останавливает внимание на переходе. Тело при этом представляет собой арену драмы. (Вспомните Родена, великого пионера такой пластики!) Например, в одной из самых глубоких работ — «Клевете» тело актера проходит несколько состояний — от борьбы к отдыху, от напряжения к слабости, от молодости к зрелости. Сама по себе тема этюда чрезвычайно значительна. Это, можно сказать, часть высокой биографии чувств самого Гамлета, его борьбы с людской клеветой. Актер показывает свободное состояние свободного от тяжести человека. Вдруг резкий поворот головы в профиль. Взгляд впивается в носители клеветы, четким абрисом встают руки и тянут тело актера к борьбе. Когда добро побеждает, тело постепенно становится легким и свободным. Вдруг снова поворот и снова напряжение. Конец этюда — актер уст-

ремляет мудрый взгляд в зал, чуть поднимает плечи — герой стал зрелым, познал добро и зло. Нет, пластика Бобоханова более драматична, чем изысканна. Он нигде не любит себя собой, его импровизация — это сама тема, а не украшение на теме.

Мимическая клоунада — один из древнейших жанров узбекского искусства. Этим занимались знаменитые в народе кызыкчи и маскаробозы — древние актеры узбекского фольклорного театра. Бобоханов не прошел мимо древних традиций. Комическая сценка «На ишаке» есть стилизация национального театра. Актер держит перед собой на вытянутой руке пару узбекских каушей, представляющих ишака, изображая треволнения седока и упрямство ишака.

Во время исполнения номера смех в зале не умолкает. Смешные номера — «В троллейбусе», «Мотоциклист», «Комната смеха» представляют собой остроумные зарисовки с натуры. Лучшим из комических этюдов был «Робот». Быстро воспринимаемые в сравнении различия движений человека и робота создали истинно комедийный ритм этого номера.

В чем можно упрекнуть дебютанта, которого вызвали трижды, которого после концерта пришла поздравить Тамара Ханум? В немногом. Есть натурализм, излишняя подробность которого противопоставлена пантомиме.

Говорят: ничто не рождается на пустом месте. Есть древние традиции узбекского театра, есть два экспериментальных коллектива пантомимы в Москве и одна студия в Ленинграде. Но надо отдать должное мужеству и страстной увлеченности Леонарда Бобоханова, который сам сумел создать современный, умный, профессионально зрелый спектакль пантомимы.

В. МАКАРОВ.

На сцене — Леонард Бобоханов.